

Сергей Иванович Смирнов, профессор

**Значение Печерского монастыря в
начальной истории русской Церкви и
общества**

профессор Сергей Иванович Смирнов

Начинающего изучать нашу начальную летопись со стороны её церковно-исторического материала поражает то обстоятельство, что небогатая, вообще этого рода данными наша летопись очень много занимается Печерским монастырём. На её страницах находятся известия об основании монастыря, рассказы о чудесах некоторых подвижников и немало частных данных для его истории¹. С таким вниманием, как на Печерском монастыре начальная летопись останавливается только на одном событии начальной истории Церкви – на крещении Руси. Но этими летописными данными далеко не исчерпывается материал для истории Печерского монастыря. Его дополняют – Несторово житие преп. Феодосия и два послания Печерских пострижников нач. XIII в. еп. Симона и Поликарпа о чудесах Печерских подвижников². Вся сумма этих материалов составляет интереснейший памятник нашей древней духовной письменности, известной под именем Печерского Патерика³. И это сравнительное обилие исторических данных о Печерском монастыре не случайность и не следствие пристрастия авторов. Если составитель летописного свода человек нач. XII в., подводя итоги церковно-исторической жизни за её краткий период, нашёл нужным судьбу Печерского монастыря поставить после крещения Руси, то это значит, что Печерский монастырь действительно был самым выдающимся явлением указанного времени. Если кстати припомним, что о других монастырях всего киевского периода имеются не патерики, а только летописные обмолвки или же краткие, а нередко, поздние жития основателей главнейших из них, то нам станет ещё яснее, что обилие исторического материала о Печерском монастыре основывалось на его особенном беспримерном значении.

Наши памятники точно очерчивают географические границы влияния Печерского монастыря. И, оказывается, это влияние охватывало ни много ни мало всю Русь, значение монастыря было общерусским. Преп.

Феодосия, организатора Печерского монастыря, они называют игуменом, архимандритом всея Руси⁴, Печерский храм Богородицы – архимандритией «всея Русския земля»⁵. Спрашивается, чем же обуславливалась эта обширность влияния Печерского монастыря и в каких сферах исторической жизни это влияние проявилось.

В то время и в том месте, когда и где зачинался Печерский монастырь, пульс исторической жизни бил чрезвычайно быстро. Узловой пункт русского торгового движения, создавшего собственно русскую историю, Киев к пол. XI в. Вырос быстро, как сказочный богатырь. (Городок пол. IX в., по отзывам иностранцев, правда значительно преувеличенным, к концу того же IX в. Он был не менее великих Болгар, а в XI в. Соперничал с Царьградом⁶). Такой быстрый рост русской столицы явился следствием усиленного притока населения, которое сходилось на великое торжище Приднепровья не только с Руси, но и со всех концов русской равнины. И отсюда, из этого просвещённого центра, народонаселение русской равнины разносило культурные привычки и заимствования. Едва ли мы ошибёмся, если скажем, что указанное время (с пол. IX до пол. XI в.) обнимаем лучшую пору в истории Киева. За это время он успел совершить для русской истории всё, что ему было на роду написано, и главное, сделать Русь христианской. Киевский князь по совету с дружиной и старцами градскими принимает христианство и объявляет его господствующей религией Руси. И воле великого князя и стольного города подчиняется вся собственная Русь (Приднепровье): христианство распространяется здесь быстро и без борьбы. После того Киев пошёл впереди других городов в усвоении христианства: он был церковным центром не официально только, но и на деле. В один пожар 1018 года в Киеве выгорело несколько сот церквей. А в следующую четверть XI в. в известном слове м. Илариона он описывается такими словами: «виждь же (обращение к св. Владимиру) и град величеством сияющ, виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще, виждь град иконами Святых освящаем блистающесе и темианом обухаем и хвалами и божественными пении святыми оглашаем»⁷. В пол. XI в., когда ещё преп. Феодосий был в своём Курске, по Руси уже шла молва о Киевских монастырях⁸. Вот это-то положение Киева во главе культурно- и церковно-исторического движения и было естественным условием для распространения влияния Печерского монастыря на всю Русь. Довольно взглянуть на состав печерской братии, чтобы видеть зависимость монастыря от столицы. В число его «святой дружины» послали своих представителей кроме Киева, Любеч, Курск, Торопецк, Смоленск, Полоцк и даже какое-то неизвестное по имени село.

В числе Печерской братии встречаются угры, армяне, половцы и даже сирийцы. Заметьте кстати, люди каких общественных состояний подвизаются в пещерах преп. Антония и Феодосия. Князь и смерд, боярин и купец – представители почти всех общественных классов Древней Руси. Ясно отсюда, что, так сказать, по самой природе своей Печерский монастырь не был местным или исключительным в социальном смысле учреждением. В пещеры Антония собирались лучшие люди нового христианского мира, искавшего подвига и молитвы, точно так же, как на киевские торги съезжались передовые люди русского промышленного и культурного мира. Теперь становится отчасти понятным, почему Печерский монастырь так широко распространил своё влияние. Он отдавал русской земле только то, что от неё получал сам.

Но влияние Печерского монастыря было обширно не географически только, а и исторически. Он откликнулся на все те потребности времени, которые вопияли к деятелям начальной истории Церкви. – В области внешней церковной жизни главным фактором времени было усиленное распространение христианства. Со второй половины княжения Ярослава (1037 г.), как отмечает летописец «нача вера хрестьянска плодится и расмиряется»⁹. Но ей далеко было до окончательного торжества. В самом центре русского христианства, в Киеве, немало было иноверцев и особенно жидов. И эта разновидность населения, свойственная всем крупным торговым центрам древнерусской равнины, развивала в христианском населении индифферентизм, который конечно не обещал Церкви ничего хорошего. «Не подобает хвалити чюжеи веры, говорится в послании кн. Изяславу о Латынях, приписываемом преп. Феодосию. Аще ли хвалити кто чюжую веру, то обретається свою веру хуля. Аще ли начнет непрестанно хвалити и свою и чюжую: то обретається таковий двоeverье держа и близ есть ереси»¹⁰. И если, несмотря на это, церковного оратора приводило в восторг положение христианства в столице Руси, то на её окраинах царило глубокое язычество. Языческим было инородческое население Русской равнины и два славянских племени – вятичей и радимичей. Правда, ещё при св. Владимире были открыты епархии в двух славянских колониях русского севера: в Новгороде Великом и в Ростове Великом. Но эти епархии были только миссионерскими пунктами, не успевшими обратить к христианству и эти «великие» города. Ярославль построил в инородческих краях два города своего имени: Ярославль на Волге и Юрьев в стране Чуди. Но они имели скорее стратегическое¹¹, чем церковное значение и едва ли содействовали распространению христианства. Таким образом, к пол. XI в. на Руси границы между

христианством и язычеством совпадали на севере с границами новгородской земли, на востоке с границами вятичей и радимичей. И первой вопиющей потребностью Русской Церкви было распространить её границы на севере и северо-востоке, защищая её от нападений и на юге.

В ответ на эту потребность из Печерского монастыря выходит значительное миссионерское движение. Легко понять, почему Печерский монастырь воспитал миссионеров. Представители всех классов общества и многих мест Руси, печорские иноки пользовались обменом мыслей и наблюдений относительно разных краёв Руси и развили широкий взгляд на положение Церкви. Люди, посвятившие себя Богу, они знали, где на Руси чтится Его имя и где не знают этого имени, и, естественно, становились предводителями поступательного движения христианства. Прп. Феодосий был проникнут миссионерской ревностью. Он молился Богу такими словами: «иже суть погани, Господи, обрати я на крестьянство и ти будутъ наша»¹². Тайно от всех по ночам он нередко ходил к киевским жидам, спорил с ними и укорял за богоотступничество¹³. В своих поучениях он не советует христианам жить мирно с врагами божьими, с жидами, еретиками, кривоверными и, даже, защищающими чужую веру¹⁴. Так возмущало ревностного игумена религиозное безразличие современного общества. Есть основания думать, что борьба Печерского монастыря с жидами, которые были многочисленны и влиятельны в Киеве, продолжалась и после преп. Феодосия¹⁵. И бывали случаи, когда усилиями печорских подвижников жиды обращались к христианству¹⁶. Бывало также иногда, что попадали в Печерский монастырь половцы и уж не возвращались оттуда в свои вежи.¹⁷

Но этого мало. «От того бо, брате, Печерского монастыря, говорит еп. Симон, мнози епископи быша поставлени; якоже и от самого Христа Бога наего апостоли во всю вселенную послании быша, такоже и от самого монастыря великаго пречистыя Его Богоматере мнози епископи поставлени быша и яко светлая светила *освятиша всю русскую землю святым крещением*»¹⁸. Не нужно долго искать того края, куда с особенною силою направилось миссионерское движение из Печерского монастыря. Изучающему историю распространения христианства со второй половины XI в., навязывается невольная мысль, что Печерскому монастырю обязана своим христианством страна верхней Волги, край, где живём мы. В то далёкое время центром гражданской жизни верхнего Поволжья был великий Ростов. За ним следовал Суздаль. Ростовская епархия, открытая ещё при св. Владимире как миссионерский пункт края не имела успеха. Два первые ростовские епископа, не стерпя противления неверующих

людей, бежали из города. Христианство в Ростове и Суздале утверждают три пострижника Печерского монастыря – свв. Леонтий и Исаия, а также Ефрем, следовавшие, вероятно, друг за другом на ростовской кафедре. Дальнейшая церковная жизнь края, как показывают её немногие черты, сохранившиеся в источниках, свидетельствует о тесной связи с Печерским монастырём. В Ростове ведётся летописец, который читал в своё время еп. Симон и где можно было найти тридцать имён русских епископов, вышедших из Печерского монастыря¹⁹. В Ростове близки были судьбы великой киевской обители и её подвижников, вероятно, потому что здесь было нечто вроде колонии Печерского монастыря. Относительно Суздаля это известно документально. В конце XI в. там было подворье Печерского монастыря и церковь св. Димитрия, подаренная этому монастырю каким-то Ефремом, самое вероятное, названным вые ростовским епископом²⁰. Из Суздаля направляются в Печерский монастырь богатые пожертвования²¹. Замечательно также, что князья ростовского края первой половины XII в., строя и украшая храмы, непрестанно обращаются за образцами к Печерскому монастырю. Владимир Мономах построил в Ростове церковь, которая своими размерами и видом была копией с великой Печерской церкви, и снабдил её иконами, написанными печерским иконником преп. Алипием. Юрий Долгорукий по примеру отца строит такую же церковь в Суздале²². Таким образом, несомненно, что заря христианства над нашим краем вошла из Печерского монастыря. Но и не над нашим только.

Между нашим Залесьем и Приднепровьем лежала земля двух языческих славянских племён, которая по своим культурным особенностям и политическим отношениям были очень далеки от Руси. Это земля вятичей и радимичей, которую долгое время обходило русское население, циркулировавшее между верхним Поволжьем и южным Приднепровьем. И вот всё, что известно об обращении этой земли в христианство заключается в сообщении еп. Симона о печерском постриженнике пол. XII в. св. Кукше, который крестил вятичей и был ими убит²³. Если св. Кукша есть важнейший миссионер края, что и вероятно, то мы имеем полное право заявить, что и обращение этой земли к христианству выло из Печерского монастыря.

Этот последний факт приобретает особенное значение, когда мы поставим его рядом с рассмотренным выше, с фактом обращения к христианству ростовской земли. Из этого сопоставления необходимо заключать, что миссионерское движение Печерского монастыря имело совершенно определённое, именно северо-восточное направление. А это обстоятельство даёт ему новую цену. Известно, что славянское население

русского юга издавна двигалось на северо-восток, в страну верхней Волги. В XII в., когда Киев и русский юг отжили свою лучшую историческую пору, славянская колонизация стала очень сильна и одним из своих русл направилась в нашу страну через землю вятичей и радимичей. Рассмотренные факты свидетельствуют, что миссионерское движение, вышедшее из Печерского монастыря, только сопровождало движение переселенческое. Печерский миссионер был попутчиком христианского населения южной Руси, стремившегося в страну далече, на финский северо-восток, и он создал своему монастырю значение в этнографической истории Руси. К великому сожалению, мы слишком мало знаем о том, как распространялось христианство в стране верхней Волги, чтобы оценить по достоинству деятельность Печерских миссионеров. Но то, что известно или о чём можно догадываться, наводит на мысль, что в стране ростовской мери печерский миссионер был поборником славянства. В житии св. Леонтия ростовского есть довольно загадочное известие. Встретив сначала неудачу при обращении ростовцев, епископ оставляет взрослых и обращается к детям, уча их основным истинам христианской веры. Позднейшая редакция жития заставляет Леонтия устраивать тайные собрания детей и прикармливать их кутьёй. Но самым естественным представляется видеть здесь известие об училище, которое обыкновенно по главным городам Руси (в Киеве и Новгороде) следовало за обращением к христианству, а в Ростове может быть и предшествовало ему, существуя сначала тайно. Понятно, как важен этот факт в смысле культурно-этнографическом. Финские племена Поволжья в эпоху печальной летописи и по её свидетельству сохранили свои родные наречия. «А се суть инии языци, иже дань дань дают Руси: чюдь, *Меря*, *Весь*, *Мурома*» и т. д.; «си суть свои язык имуще"...²⁴. Естественно, что христианская миссия не обладавшая большими просветительными средствами, не создавала инородческой грамоты, не переводила священного писания и богослужебных книг на финские наречия и конечно не щадила этих наречий. Надо думать, что, распространяясь только на славянском языке, христианство ускоряло его распространение по нашей равнине. Если для оглашения славянина по древнерусской церковной практике требовалось только 8 дней, а для болгарина, половчина и *чудина* в пять раз больше²⁵, то ясно, что большая часть этих дней тратилась у них на ознакомление с языком проповедника. И св. Леонтий, хотя сам может быть и говорил по-мерянски, как положительно об этом свидетельствует одна поздняя редакция его жития²⁶, но уча детей, он им давал в руки только славянскую книгу. Впрочем, если даже догадка о ростовском училище не совсем

надёжна, деятельность печерских миссионеров в пользу славянизации края всё-таки несомненна. Подтверждением этому служит тот факт, что главными противниками христианства в стране Верхней Волги были финны, что они противились св. Леонтию²⁷, они высылали волхвов, поднимавших целые восстания²⁸, они бежали, наконец, в страну болгар от правительственной власти, помогавшей водворению христианства в крае²⁹. Конечно, всё это могло произойти только в том случае, если в стране Верхней Волги боролись между собою не одни религии, но и народности. И, несомненно, в быстрой победе славянства над финнами Верхнего Поволжья печерским миссионерам принадлежит значительная доля участия. Таково значение Печерского монастыря в истории распространения христианства и русской народности.

Но христианство XI в. владело на Руси не только половиной страны, но и половиной сознания собственно христианской половины. Напрасно говорят, что христианство доступно всякому человеку. Высокая и чистая религия, оно может быть усвоено только тем сознанием, которое теоретически доросло до отличения религии от других областей жизни и мировоззрения и в то же время возвысилось практически до требования высшего, религиозного показателя пути жизни. Русское язычество далеко не подготовило народ к усвоению христианства. В мировоззрении русского язычника религия смешивалась с правом, бытом, а главное, с воззрениями на природу, и весь этот первобытный хаос мировоззрения облекался в форму мифа. Христианство, как высшая религия, отделяет Бога от мира. Для русского язычника боги, прежде всего, мировые явления. Они распростёрлись над русской землёй небесным сводом и сияли оттуда на человека, они гремели и блистали из туч, шумели в порывах ветра. Эти боги густо населили и русскую землю. Они царили в непроходимых лесах равнины, плескались в её тихих водах. В виде душ умерших предков они окружили жилище и жизнь человека. Так низко было развитие религиозно-теоретической мысли русского язычника. – В сфере религиозно-практической его мысль была даже ниже. Христианский Бог – высшее добро, Он всесвятый. Русские боги не отличаются этим качеством. Олицетворённые силы природы, с нравственной точки зрения, они были безразличны и если делились на добрых и злых, то только в смысле физического зла и добра и с точки зрения утилитарной. А так как в природе русской страны между стихиями не замечалось резкой борьбы, которая бы отражалась решительно на интересах и жизни человека, так как в ней нет стихийной силы, подавляющей все другие, то среди русских богов незаметно резкого разграничения и с этой утилитарной точки

зрения. Добры и злы русские боги были не по природе своей и не по отношению ко всем людям (злых например богов в русской мифологии очень мало). Боги любили людей или ненавидели случайно. И это лишало их характера грандиозности и определённости и населило русский олимп мелочными и бесформенными в антропоморфическом смысле существами. – Поэтому в отношении к богам русский язычник не считал обязательным чувство благоговения. Его религиозная жизнь слагалась главным образом из двух элементов – из чувства благодарности к добрым, т. е. расположенным богам и из чувства страха перед богами злыми, нерасположенными, – притом так, что чувство благодарности не переходило у него в чувство полной преданности, а страх не приводил его к сознанию полного бессилия. Человек задабривал бога, ища его покровительства до тех пор, пока тот ему действительно благоволил. Но как только поклонник замечал с его стороны недостаток предупредительности, он лишал его знаков внимания или даже наказывал его идола. Наконец, для обуздания враждебных богов он пользовался известным орудием – волшебством. Таким образом, законодателем нравственности жизнедеятельности являлся сам человек, а не божество. На долю последнего выпадала более скромная задача – помогать человеку, быть ему другом, мириться после ссоры и оказывать услуги вместо козней. Учение о загробной жизни, по которому можно судить о высоте морали, проповедуемой религией, было очень невысоко у русских славян. Загробная жизнь представлялась им продолжением и повторением настоящей со всеми её потребностями, наслаждениями, даже бытовыми и социальными порядками. Ясно отсюда, что мораль русской языческой религии была прямо противоположна христианскому нравственному учению. – Поэтому христианство задало русской религиозной мысли в своё время очень трудную задачу, с которой она могла справиться только веками. Первым христианским поколениям на Руси было высоко до христианского Бога и далеко до христианского идеала, и они не расставались с прежними богами и нравами. Является двоеверие и языческий разгул страстей.

Печерский монастырь, несомненно, содействовал христианизации русского общества. Из средств, которыми он располагал для этого дела кроме специально подвижнического средства, непосредственного нравственного влияния, в его распоряжении были некоторые и общецерковные средства – проповеди и духовное просвещение. Нашему монашеству не чужда была мысль о призвании его в сфере пастырского учительства. Прп. Феодосий говорил один раз кн. Святославу «се нам

подобает обличати и глаголати вам, еже на спасение души, вам же лепо бы послушати того»³⁰. Действительно, прп. Феодосий поучал не только братию, но и мирян, как об этом свидетельствуют оставшиеся от него поучения. – В истории духовного просвещения Руси Печерский монастырь также не остался без значения: он внёс свою посильную лепту и в эту скудную сокровищницу. Судейский устав требовал от монаха, как обязательного, чтения книг и потому грамотность в Печерском монастыре, была распространена. О неграмотном иноке, выходеце из села, у Поликарпа сообщается, как о явлении редком³¹. Книгами очень дорожили в монастыре, их усердно переписывали и переплетали. Некоторые монахи имели их в виде частной собственности и приносили в дар монастырю³². Немудрено поэтому, если из Печерской школы вышло столько писателей. Довольно упомянуть имена прп. Феодосия, Нестора, еп. Симона Владимирского и Поликарпа чтобы понять, какое видное место в древнерусской литературе принадлежит Печерскому монастырю.

Посмотрим теперь, в чём выразилось христиански просветительское влияние монастыря на русское общество. Всматриваясь в древнерусское христианское мирозерцание можно заметить, что его теоретическая сторона была всегда ниже практической. Двоеверие давало себя знать уже в то время, когда наш народ стал христианским по своим нравственным идеалам. Конечно, прежде всего, это можно объяснить тем, что христианской догматике пришлось вытеснять более или менее определённое языческое мирозерцание, тогда как христианская мораль нашла в представлениях язычника почти *tabula rasa* и беспрепятственно её наполнила своим содержанием. Важно также и то соображение, что религиозно-теоретическая мысль в большей степени подчинена закону постепенного развития, чем мысль религиозно-практическая. Но главным образом это различие обуславливалось тем обстоятельством, что для религиозно-теоретической стороны мировоззрения на Руси не было такой школы, каким было подвижничество Печерским монастырём во главе для религиозно-нравственного воспитания общества. Правда, из Печерского монастыря, из уст самого преп. Феодосия выходило осуждение и двоеверия. В своём поучении «о казнях Божиих» он осуждает как языческие обычаи – веру в приметы, гаданье, волшебство, чары. Но замечательно, что в этом, кажется, единственном в своём роде, месте к языческим обычаям относятся явления чисто нравственные (зависть, клевета и др.) и социальные (проценты и др.). Ясно, что прп. Феодосий был скорее проповедником – моралистом, чем апологетом, а его монастырь религиозно-нравственной школой для общества. – Мы видели,

что языческая религия Руси проповедовала такую низкую мораль, при которой совершенно непонятны были евангельские требования жить для Бога и презирать мир; непонятны были требования, служившие принципами христианского подвижничества. И величайшая историческая заслуга Печерского монастыря состоит в том, что он показал русскому обществу примеры истинного христианского подвижничества. В похвале прп. Феодосию совершенно правильно указывается значение его подвига, ставящего его наравне с крестителем Руси, именно в том отношении, что прп. Феодосий вместе с учителем своим Антонием первый на Руси показал путь полного христианского самоотречения³³. Действительно, монашеская жизнь на Руси до Печерского монастыря не представляла отрадной картины. Прп. Антоний возвращается с Афона в Киев, обходит монастыри и не удовлетворяется ими. Несколько лет спустя, прп. Феодосия не принимают в киевских монастырях за его бедность. Два великие подвижника, имена которых стали рядом в истории Русской Церкви и монашества, как «начальника русским монахам» и «старейшины русских черноризцев»³⁴ сходятся в лесу за Киевом, поселяются в пещере, из которой и выросла великая Печерская обитель. Наши памятники не находят достаточных слов, чтобы выразить огромное нравственное влияние Печерского монастыря на общество. И здесь они преувеличивают немного. Правда, надо сказать, что у Нестора, Симона и Поликарпа есть тенденции выставить жизнь Печерской братии в особенно ярком свете, представить её жизнью земных ангелов и небесных человеков, тогда как поучения прп. Феодосия дают знать, что среди печерской братии бывали и земные человеки. Но всё-таки несомненно, что жизнь печерских иноков, в общем, была высока, а подвиги многих из них прямо беспримерны. Пред очами русского мира не на имение князей и бояр, а слезами, молитвою и постом вырос Печерский монастырь – мир совершенно особых отношений и непостижимых для полуязыческого общества задач. Мир подвижников презирал то, чему поклонялся мир человеческий и особенно языческий, и ревновал о том, чего совершенно не понимал языческий мир и о чём только в поучении слышал тогдашний мир христианский. – Кроме разнообразного проявления подвижничества Печерский монастырь выставил и примеры страдания за веру и правду, которое также едва ли постигал русский мир своею религиозною мыслию. Стремление Печерских подвижников к мученичеству было совершенно сознательно. Прп. Феодосий ходит к жидам, ища себе смерти; он рад был, когда обличаемый им Святослав хотел наказать его, потому что, по замечанию прп. Нестора, искал страданий за правду³⁵. Замечательно, что

большинство известных нам христианских мучеников на Руси за Киевский период вышло из Печерского монастыря. Св. Леонтий, убитый по патерику ростовцами, прп. Кукша, погибший среди Вятичей, Евстратий постник, распятый жидами, – всё это печерские подвижники. – Жизнь для Бога до готовности умереть за Него открыла над Печерским монастырём Небо и наполнила его жизнь сверхъестественным. Там чудеса. Там изгоняют бесов, умножают мёд и хлеб, исцеляют больных, пророчествуют. Туда сходят ангелы. Сама Богоматерь принимает участие в построении Печерской Церкви. Словом, Печерский монастырь в сознании современников стал «подобен небеси»³⁶. Жизнь Печерского монастыря с его подвигами, мученичеством и чудесами и была одним из крепких корней, которыми приросло христианство к русской почве, – была его ненамеренной, но блестящей апологией. И можно представить, насколько сильно поражалась русская мысль великими примерами Печерского подвижничества. Если в древнерусской нравственной философии так силён аскетический элемент, если спасение обыкновенно представлялось у нас под формой монастырского подвижничества, то это, по нашему мнению, не следствие прямого влияния Византии, а скорее следствие преобладающего влияния нашего русского подвижничества, во главе которого стоял Печерский монастырь.

После этого нужно было бы ожидать, что христианское общество проявит сильное движение в пользу монашества, а Печерский монастырь пошлёт пионеров монашества, основателей других монастырей, как это сделал после монастырь прп. Сергия. Однако это не замечается. Движение общества в пользу монашества было, но его можно проследить скорее не быстрым ростом самого Печерского монастыря, чем на появлении других монастырей. Их вообще в Киевский период было немного, а в лучшую пору Печерского монастыря, с начала его до первой четверти XII в., и совсем мало. – Среди учеников пр. Антония и Феодосия не было стремления к строительству новых монастырей, какое ясно замечается среди учеников прп. Сергия, не было стремления разойтись. Даже наоборот, среди рассеянных по лицу русской земли печерских подвижников всегда было живое стремление к центру, в великий монастырь на горах киевских. Оно воспитано было прп. Феодосием. Припомним, с какою радостью он встретил прп. Никона, возвратившегося из Тмутаракани, и с какими слезами умолял его не оставлять монастыря. После прп. Феодосия печерские подвижники также держались своего монастыря и вне его стен чувствовали себя как на чужбине. В известных словах еп. Симона, изъявлявшего готовность оставить богатую

владимирскую кафедру и хотя бы сором валяться на дворе Печерского монастыря, выражается эта тоска печерского постриженника по своей духовной родине. Но вот прожил свою жизнь печерский постриженник вдали от Киева, например в звании епископа, а умереть ему всё-таки хочется в родном монастыре. Сохранился трогательный рассказ о смерти знаменитого архиепископа новгородского Нифонта, печерского пострижника³⁷. В 1156 г. он пришёл в Киев для встречи нового митрополита из Константинополя и занемог. За три дня до смерти его посетило чудное видение – ему явился прп. Феодосий в Печерской церкви и сказал, что Нифонт сделал хорошо, пришедши сюда, потому что они будут почивать теперь неразлучно. В руке прп. был свиток, на котором епископ прочитал: «се аз и дети, яже ми есть дал Бог». Здесь первый раз хронологически сквозит ясная мысль о спасительности быть погребённым в Печерском монастыре. Эта мысль, основанная на обещании прп. Феодосия молиться за всех живущих в его монастыре³⁸, впоследствии доведена была печерскими иноками до крайности, до убеждения, что все погребённые в их монастыре спасутся³⁹. И в таком виде она перешла в общество. Мысль о спасительности погребения в Печерском монастыре снова даёт знать, какую степень религиозно-нравственного влияния в древнерусском обществе имел этот монастырь. Но она, конечно, не благоприятствовала развитию монашества⁴⁰. Впрочем, и это обстоятельство легко объяснить характером времени. Печерский монастырь начал своё существование среди полуязыческого общества в стране наполовину христианской. Достаточной почвы для монашества в других краях кроме южной Руси и частнее Киева тогда ещё не было. Такое положение дела и развило среди печерской братии боязнь развеяться и чувство сильной привязанности к святому месту, которые потом стали традициями. Вот почему немногочисленны и случайны по происхождению монастыри, построенные собственно печерскими подвижниками. Вот почему в истории собственно распространения монашества Печерский монастырь не имел такого значения, как обитель прп. Сергия, что можно видеть на следующих данных из истории русского монашества за Киевский период. В Новгородском крае с начала XII в. обнаружилось самостоятельное монашеское движение, и ставить его в непосредственную связь с Печерским монастырём никак нельзя. Далее. Если Ростовский край в эпоху церковной связи с Печерским монастырём (приблизительно до времён Андрея Боголюбского) был очень беден монастырями и не дал Церкви подвижников, то нельзя ли в этом даже обвинить Печерский монастырь, нельзя ли это объяснить тем, что люди,

ищущие подвига, стремились оттуда в монастырь прп. Антония и Феодосия, не заботясь о построении монастырей в своём крае? Итак, можно сказать, что Печерский монастырь не имел значения в смысле сознательного рассадника русского монашества. Если же русские памятники именуют его основателей начальником и старейшиной русских черноризцев, а самый монастырь старейшим из русских монастырей⁴¹, то это потому, что в Печерском монастыре явилась определённая организация монашеской жизни, здесь был принят судейский устав всех русских монастырей, хотя, может быть, и не во всей строгости и полноте⁴². Влияние Печерского монастыря на русское монашество надо видеть ещё и в том, что он выставил такой ряд подвижников, которым последующие подвижники других русских монастырей только подражали. – Таково значение монастыря в истории религиозно-нравственного развития древнерусского общества.

Но у русского общества XI – XII вв. были специфические социальные недостатки, обуславливающиеся характером времени. Трудно указать в нашей истории время, когда бы так круто менялся весь социальный строй народной жизни, как в эти века и предшествующий им. С X века под влиянием главным образом торговли начинается на Руси падение родового быта и возникновение нового социального строя. Такие эпохи тяжелы в жизни народной и некрасивы с нравственной стороны. При ломке старого быта слабели чувства альтруизма и солидарности, – родственные чувства, которые заменяли теперешние патриотизм и сознание гражданского долга и держали в гармонии и относительном порядке членов общества. В основу нового строя полагался фундамент совершенно иной, черты как раз противоположные – эгоизм и индивидуализм. Это время наивысшего развития единичной личности в смысле социальной силы, время богатырей. Разрушив силою собственного интереса родовую опеку, личность естественно развивает свои права на счёт другой. С другой стороны, это время является эпохой возникновения рабства и его усиленного распространения. Богатырь и раб, могучая личность и обезличенный человек, – вот два господствующих общественных типа времени. Экономический строй общества, вырастивший это правовое неравенство, конечно, не отличался равенством в распределении экономических благ. Наряду с богатырями капитала «гостями богатыми», много было и бедноты. И замечательно, что законодательство охраняло не право человеческой личности, а неприкосновенность капитала. Видно, что чёрствая «Русская Правда» создана в торговом городе и господствующим торговым классом. Понятно, какую моральную окраску получило русское

общество того времени. Жестокость господина и немилосердие богача являются главными социальными пороками времени. За ними следовало падение нравов. Стечение капиталов развивало в богатом классе роскошь, сибаритство и нравственную распущенность. Народная былина Киевского края воспеваёт княжеские пиры, представляет типы развращённых богачей и волокит и строгость нравов вовсе не считает отличием киевских женщин⁴³. В исторических памятниках можно найти подтверждение этих положений, – особенно в поучениях, которые только не воспевают, а осуждают всё это.

Несомненно, высокий пример печерских подвижников в строе их «общаго жития» имел влияние на нравственное сознание общества. Ставя себя рядом со святой печерской дружиной, древнерусское общество находило своё решительное осуждение. Отречение от собственности, строго соблюдаемое во всё время действия общежительного студийского устава⁴⁴, было как раз противоположно тому стремлению к наживе, которое сильно было развито в торговом Киеве. Общность жизни монахов возвращала русскую общественную мысль к золотому времени родового быта и осуждала индивидуализм, развившийся под влиянием исторических условий жизни. Обязанность безусловного послушания своему игумену, отречение от своей греховной воли показывало русскому богатырю, что есть сила несравненно высшая его непобедимой и неограниченной личной мощи – сила христианского смирения. Она низводила князя и боярина в ряды простых монахов, возводя до того же положения смерда и раба. Монастырь уравнивал всех, напоминая рабовладельческому обществу вечную истину, что все мы равны. Наконец строгий аскетизм печерских подвижников, их денно-нощные труды, внимание к своему нравственному состоянию и упорная борьба с плотью были укором обеспеченной, живущей чужим трудом и развращённой части общества. Пред сознанием русского общества, привыкшим к физическому богатырству, являются новые богатыри, только богатыри духа.

Но Печерский монастырь с его особенными обитателями и порядками не был только картиной, настраивавшей на высокий лад людей, захотевших остановиться пред ней и вникнуть в её содержание. Печерские подвижники, проникнутые мыслью о том, что они должны учить мир, а мир должен их слушать, усердно комментировали для него свою жизнь и осуждали всё то, что было несогласно с нею в жизни мира. В житии прп. Феодосия рассказывается характерный случай. Князь Изяслав, обедая раз в монастырь, похвалил игумену монастырскую трапезу, заявив, что его рабы

не могут приготовить таких вкусных блюд. Прп. Феодосий, «хотя уверити того на любовь Божию», отвечал сравнением монастырской и княжеской кухни. В монастырской поварнице слышалась молитва, дрова зажигались церковным огнём, в кухне князя происходили вечные ссоры и драки. Здесь нельзя не видеть в прп. Феодосии последователя Фёдора Студита, запрещавшего монахам иметь рабов⁴⁵. В своих поучениях прп. осуждает неумеренные проценты (резоимание, приклады), пьянство, музыку и пиры, которые превращали христианские праздники в языческие оргии, осуждает лёгкость нравов⁴⁶. Однажды он дал понять Святославу, как не нравится ему постоянная музыка в княжеском дворце, и с тех пор князь прекращал веселье, как только через его порог переступал печерский игумен. Один из преемников Феодосия (иг. Иоанн) обличал кн. Святополка за его корыстолюбие⁴⁷.

Впрочем, для нужд мира подчас недостаточно было ни нравственного обаяния монастыря, ни поучения его игумена, ему нужна была власть монастыря, его фактическое вмешательство в жизнь мира. В Печерский монастырь приходит раз просить защиты неправильно осуждённая вдова. Встретясь с прп. Феодосием и, не узнав его по одежде, она просит проводить к игумену. Феодосий говорит вдове: «зачем он тебе нужен, ведь он человек грешный?» «Я этого не знаю, отвечает вдова, но я знаю, что он многих избавил от печали и напасти, и пришла просить его защиты пред судом». – Печерский монастырь не посмотрел без сожаления и участия на мир, страдавший от своей кривды. Политика, рынок, суд, общественная благотворительность – всё это испытало на себе соседство Печерского монастыря, и всегда он становился за угнетённую сторону. Когда братья изгнали из Киева Изяслава и Святослава посадили на его место, прп. Феодосий отказался поминать нового князя в церкви. Кроткий, всегда послушный и никогда не гневающийся, он резко укоряет нарушителя братских прав, нисколько не боясь княжеского гнева. Это не было следствием простого увлечения борьбой, потому что и, помирившись с Святославом, прп. Феодосий не перестал твердить князю, чтобы тот возвратил стол Киевский брату⁴⁸. – На Киевском рынке случались иногда прискорбные явления. Кн. Святополк Изяславич, бывший во вражде с Галицким князьями после ослепления Василька и в союзе с киевскими жидами, запретил ввоз соли из Галиции. Соль вздорожала, и народ должен был платить большие деньги монополистам. Но тут вступается за бедняка потребителя Печерский монастырь, который к к. XI в. успел разбогатеть. Он открыл свои запасы соли и тем сбивал её цену. Странно было видеть, говорит Поликарп, как пусто было торжище и как покупатели наполняли

монастырь⁴⁹. Неудовлетворение киевских купцов и самого князя на вмешательство монастыря не поправило их дела. Замысел их не удался. – А вот древнерусский суд. Отцы Древней Руси завещали своим детям: «чадо, в судьин двор не ходи»⁵⁰. Тиуна, княжеского судью считали погибим для Царства Небесного⁵¹. Прп. Феодосий был заступником пред судьями и князьями для многих. В Киеве знали его с этой стороны: к нему шли просить защиты и печалованья и получали их, потому что, замечает прп. Нестор, его не могли преслушаться за его святость⁵². Однажды он отпустил разбойников, взятых в одном монастырском селе, а последующие подвижники даже выкупали осуждённых преступников⁵³. – Тяжёлые условия народной жизни и социальные настроения развивали в низших классах бедность, которая налагала на Церковь задачу благотворительности, а церковной проповеди задала задачу любимую потом тему о милосердии к бедным. Печерский монастырь выступает и в роли благотворителя. Прп. Феодосий был очень милосерд: вид убогого и нищего в худой одежде вызывал у него слёзы сострадания⁵⁴. И вот он построил за монастырём двор с церковью, на котором принимались нищие и больные⁵⁵. Монастырь расходовал на это десятину своих доходов. Кроме того каждую субботу он посылал воз печёного хлеба, находящимся в узах⁵⁶. Одно из поучений прп. Феодосия открывает, что эта благотворительная деятельность монастыря установилась не без внутренней борьбы. Замыслы прп. Феодосия вызвали протест среди братии. И он должен был напоминать противникам, что ведь сами то они содержатся благотворительностью мира, что плата миру молитвой за него недостаточна, а для них самих недостаточны посты, пение и молитвы без милостыни⁵⁷. В голодные годы среди Печерских иноков являлись сиропитатели. О Прохоре черноризце рассказывается, что он прокормил много алчных своими хлебами из лебеды⁵⁸. Так пример великого Печерского монастыря питает известное положение древнерусской моральной философии относительно особенного значения милостыни, которое (положение) выражается трогательными словами древнерусского проповедника: «спасися весь мир любовью»⁵⁹.

Итак, что же сделал Печерский монастырь для Руси на заре её христианской истории? Он дал ей миссионера, апологета, подвижника, мученика, чудотворца, пастыря, печальника и благотворителя, – дал людей, которыми живёт и движется на земле Церковь и христианство, и которыми воспитывается совесть общества. Читая описание жизни печерской братии, чувствуешь, что на свет Божий родился великий христианский народ, и эта жизнь была его первым подвигом и первой

МОЛИТВОЙ.

Примечания

¹ - Известия начальной летописи о Печерском монастыре собраны и разобраны у Бестужева-Рюмина, «О составе рус. летописей до конца XIVв.» Спб. 1868 стр. 9 – 18.

² - Если прибавить к этому поучения прп. Феодосия (Уч. Зап. Ак. Н., кн. 11, вып. 11 Спб. 1856) и Послание к Василию, архимандриту Печерскому (Приб. к Тв. св. Отц. X), то получим все источники для истории Печерского монастыря за киевский период.

³ - Мы будем его цитировать по изд. Вл. Яковлева «Памятники русской литературы XII и XIII в.» Спб. 1872.

⁴ - Яковлев, 64. Житие Авраамия Смол., Прав. Соб. 1858, ч.3, стр. 142, 383.

⁵ - Яковлев, 110.

⁶ - Летоп. по Лавр. сп. Спб. 1872, стр. 20. – Гаркови, Древнейшее арабское известие о Киеве. Труды III археол. Съезда, стр. 347. Макушев, Сказание иностранцев о быте и нравах Славян, 113 стр. 29 и 30 прим.

⁷ - Приб. к Тв. св. Отц. 1844, ч. 2, стр. 274.

⁸ - Яковлев, стр. 9.

⁹ - Лавр. 148. Точно также приб. Тв. св. От. 1844 г. ч. 2, стр. 247. «Виждь.... христианство растуще».

¹⁰ - Уч. Зап. Ак. Н. кн. II, вып. II Сиб. 1856, стр. 216

¹¹ - Соловьёв, История т. 1 по изд. «Общ. Польза» стр. 112

¹² - Молитва св. Феодосия за вся крестьяны. Уч. Зап. Ак. Н. кн. 11, вып. 11, стр. 223

¹³ - Яковлев, 50

¹⁴ - Уч. Зап. Ак. Н. 196. Преп. Агапит неч., безмездный врач, обращается к армянину, тоже врачу, зашедшему к нему в келью, с такими словами: «то како почто смел если внити келию мою и дрожати за грешную мою руку, изыди от мене иноверне и нечестиве» Яковлев, 134.

¹⁵ - Рассказ Поликарпа о Никите затворнике. Рассказ представляет печорского инока, увлекшегося жидовством и находившегося в тайных связях с жидами. Обстоятельный разбор рассказа можно читать в ст. проф. Мальшевского, Евреи из Южной Руси и Киеве в X – XII вв. Киев, 1878 стр. 70–86. Здесь же можно найти данные о многочисленности и влиятельности жидов в древнем Киеве.

- 16 - Яковлев, 95
- 17 - Яковлев, 96
- 18 - Яковлев, 90
- 19 - Яковлев, 90
- 20 - Лавр. стр. 230, г. 1096.
- 21 - Яковлев, стр. 115–117.
- 22 - Яковлев, стр. 122–123, 179
- 23 - Яковлев, стр. 97–98.
- 24 - Лавр. 10.
- 25 - Вопрошание Кирика. Русск. Исто. Б-ки, т. VI стр. 33.
- 26 - Житие св. Леонтия, еп. Ростов, изд. А. Титовым. Чт. О. И. и Др. 1893, 4 ч. стр. II.
- 27 - Ник. Лет. по изд. Акад. Н. VIII, 245.
- 28 - Лавр. 170 – 174 стр. 1071 г.; 207 стр. 1091 г. Обстоятельный разбор этих данных в кн. Корсакова, Меря и ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 89 – 91.
- 29 - Там же, стр. 30 – 31, прим. 63.
- 30 - Яковлев, 53.
- 31 - Яковлев, 173.
- 32 - Яковлев, 32, 29, 101 ср. 136, 138–139.
- 33 - Яковлев, 65.
- 34 - Яковлев, 126. Слово в неделю всех свв. приписываемое м. Клименту Смол. Никольский. О литературных трудах м. Климента. Спб. 1892, стр. 223.
- 35 - Яковлев, 50 и 52. В послании кн. Изяславу о Латынских, приписываемом прп. Феодосию, говорится: «Рече ми отец: чадо, аще ти ся лучить по вере сей святей, Господа ради, умрети, то с дерзновеньем не останися правыя сея веры, но умри за Христову веру».
- 36 - Яковлев, 25.
- 37 - Ипатьевская Летопись. Изд. Спб. 1871, стр. 332.
- 38 - Яковлев, 113.
- 39 - Яковлев, 92–93, 99, 120, 131.
- 40 - Такое исключительное положение Печерского монастыря среди монастырей Руси обуславливало его церковно-административное значение. Из него согласно показанию еп. Симона (Яковлев, 90) до нач. XIII в. вышло около 50 епископов Русской Церкви.

⁴¹ - Лавр. л. 156 стр.

⁴² - Е.Е. Голубинский, История русской церкви т. 1 пол. 11 стр. 520–526.

⁴³ - Костомаров, Исторические монографии т. 1 изд. 2 стр. 129–133.

⁴⁴ - Когда начало падать в Печер. монастыре общежитие, определённо сказать трудно. В эпоху начальной летописи (до 1110 г.) оно существовало во всей строгости, как это видно из следующих слов летописи о Печер. монастыре «в немже и доньне добродетельное житие живут, обще вси вкупе в пеньи, в молитвах, в послушаньи» Лавр. 192. Яковлев 21. Но в посланиях Симона и Поликарпа встречаются известия кон. XI и нач. XII вв., свидетельствующие об ослаблении общежительного устава. (Они собраны у Е.Е. Голубинского, История 1 т. ч. 2, стр. 522–523). Если из них известия кон. XI в. можно понимать в смысле показания частных нарушений, то данные XII в. показывают общее ослабление строгости устава. К монгольскому периоду от общежития в Печер. монастыре осталась только общая трапеза.

⁴⁵ - Е.Е. Голубинский, История, т. 1 ч. 2 стр. 515 прим. 2.

Впоследствии Печерский монастырь владел рабами что можно видеть и из патерика (Яковлев, 137, 138, 139) и они исполняли некоторые работы по кухне, напр. Мололи муку (там же, стр. 168).

⁴⁶ - Уч. Зап. Ак. Н. кн. II, ч. II, 195 – 196 и др.

⁴⁷ - Яковлев, 156.

⁴⁸ - Известны факты, свидетельствующие о почтении, которым окружили Печерский монастырь русские князья (Их перечень у м. Евгения, Описание Киево-Печерской Лавры. Киев, 1826, 15–16 стр.). Но нельзя забывать здесь и случаев другого рода, случаев насилия над Печерскими иноками со стороны рус. князей: Мстислав Святополкович замучил прп. Феодора и Василия, брат Мономаха Ростислав утопил прп. Григория (Яковлев, 177–178; 140). Факты последнего рода ослабляют значение первых.

⁴⁹ - Яковлев, 154 – 155.

⁵⁰ - Описание Румянц. музея, стр. 52.

⁵¹ - Нам. стар. р. Литерат., изд. Костомаровым и Пыпиным, вып. 4, стр. 184–185.

⁵² - Яковлев, 56.

⁵³ - Яковлев, 41, 137.

⁵⁴ - На послании к Изяславу говорится: «милостынею же милуй не

только своя вера но и чужая"... Уч. Зап. Ак . Н. кн. II вып. II, 217 стр.

⁵⁵ - Яковлев, 62. Впоследствии, когда монастырь разросся, этот двор приходился между старым монастырём и новым и соединял их в одну систему строений.

⁵⁶ - Яковлев, 41.

⁵⁷ - Уч. Зап. Ак. Н. кн. II, вып. II, 205–207 стр.

⁵⁸ - Яковлев, 154.

⁵⁹ - Слово в похвалу святым, приписываемое м. Клименту Смолятичу. Н. Никольский, О литературных трудах м. Климента См. Сиб. 1892 стр. 221.

Содержание

Сергей Иванович Смирнов, профессор Печерского монастыря в начальной истории русской Церкви и общества профессор Сергей Иванович Смирнов	1
Примечания	18